

АЛЛА ДЕМИДОВА

АЛЛА ДЕМИДОВА

ГАСТРОЛЬНЫЕ
ЗАМЕТКИ

Письма к Тому

МОСКВА
Издательство АСТ

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д30

Дизайн серии *Виктории Лебедевой*

В книге использованы фотографии из архива автора.

На переплете коллаж режиссера *Рустама Хамдамова*

Книга издана при участии *Павла Каплевича, Сергея Николаевича, Кирилла Серебренникова* и «Клуба 418»

Демидова, Алла Сергеевна

Д30   Гастрольные заметки : письма к Тому / Алла Демидова. – Москва : Издательство АСТ, 2020. – 368 с., ил. – (Алла Демидова. Избранное)

ISBN 978-5-17-119538-0

Настоящую книгу составили письма к Тому Батлеру – профессору Гарвардского университета, – переписку с которым актриса Алла Демидова вела с 1990 года до 2007-го. Случайное знакомство привело к интереснейшему общению, а затем и к созданию книги.

Письма А. Демидовой вместили в себя описание поездок и гастролей, театральных постановок, а также рассказ о людях, с которыми ее сводила судьба. Среди них Сергей Юрский, Юрий Любимов, Роман Виктюк, Антуан Витез, Теодорос Терзопулос, Лариса Шепитько, Сергей Параджанов. Письма чередуются с выписками из дневников актрисы или небольшими «ремарками», где более подробно раскрываются те или иные события, а также укрупняются портреты современников.

Книга со всей правдивостью отразила различные пласты времени и культуры в России и за рубежом.

УДК 821.161.1-94

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-119538-0

©А.С. Демидова, 2020

©ООО «Издательство АСТ», 2020

Из разговора средневекового философа с сыном:

- Папа, а в человеке есть Бог?
- Есть.
- А в животных есть Бог?
- Есть.
- А в цветах есть Бог?
- Есть.
- А в цветах, которые отражаются в зеркале, есть Бог?

...И я не знал, что ему ответить.

Первое предисловие

Наверное, надо объяснить, как возникла эта книга. Я давно не разбирала свой архив — и все бумаги за долгие годы перемешались, и когда нужно что-то найти — проще было написать заново. Как-то я (в очередной раз) что-то искала и наткнулась на свое неотправленное письмо Тому Батлеру — моему другу из Бостона. Неотправленное — потому что писалось за границей и, видимо, мне лень было искать марку или я не знала, где почта. Читаю: начало 90-х годов. Гастроли «Таганки»... Мне показалось, что этот осколок времени нашей гастрольной жизни может быть интересен не только мне. И тогда я подумала: хорошо бы найти все мои письма того времени моему другу. Позвонила Тому Батлеру, спросила, сохранились ли у него мои письма. Он ответил: да, сохранились, и переслал их мне по электронной почте. Я стала искать его письма у себя: это оказалось труднее — я не такой аккуратный человек, как Том. Часть писем нашлась, часть — нет, но какая-то линия переписки с начала 90-х годов по 2005-й выстроилась. Потом мы перешли на не любимый мною Интернет, и обычные письма перестали существовать.

Том Батлер — профессор Гарвардского университета. Преподавал он древние науки — историю Византии

и древние славянские языки, хотя по происхождению он ирландец. Любит поэзию, сам пишет стихи и занимается поэтическими переводами. Познакомилась я с ним случайно, как именно – выясняется из переписки. Поскольку он плохо знает русский – думает на английском, а потом мысленно переводит это на русский – его письма не до конца передают тонкость его души и ирландский парадоксальный юмор.

...Надо вам сказать, что вот такие, так называемые американские чудачки, именно они запали мне в душу. В Америке ведь такой же народ, как и везде, толпа проходит через тебя, как вода сквозь сито. Но... Так вот Том Батлер. Когда из-за возраста он перестал преподавать в Гарварде, то стал писать книги по культуре Византии, Сербии и Болгарии (потому он и знает кириллицу). Уже много лет он собирает волонтеров, которые едут в Сербию и помогают ее восстанавливать. И они делают это абсолютно бескорыстно. Эта его черта – бескорыстный отклик – для меня является исключительной, и я его сразу же выделила из «толпы».

Или, например, другой персонаж, который встречается в нашей переписке, – Роберта Ридер, с которой меня познакомил Том. Она тоже была в Гарварде профессором. Именно она повела меня в театральную библиотеку в Гарварде. Я тогда очень любила Сару Бернар, собирала ее фотографии и спросила, есть ли у них какие-нибудь ее снимки? Они принесли мне огромный длинный ящик, по материалам которого можно было бы писать научный труд об этой уникальной актрисе. И тогда я спросила: у вас есть что-нибудь о Театре на Таганке? – и они принесли мне бесконечные папки – там были программки наших спектаклей начала 60-х, там были стенограммы наших закрытых худсоветов! То есть там сохраняется все. Вот мы удивляемся: как это англичанин написал прекрасную кни-

гу про Чехова или швед — про Маяковского? Да потому что и в Кембридже, и в Оксфорде, и в Гарварде собирают и сохраняют богатейшие архивы!..

У Тома семья, жена Юлия, которая совсем не говорит по-русски, но очень тепло ко мне отнеслась. У него сыновья, внук, сестра. Дом в Гарварде и на океане — словом, нормальный благополучный человек. Но состояние души у него — чеховское «перекати-поле». Чеховский недотепа. Как они это умеют сохранять?! В письмах Том упоминает о моих банковских делах. Кое-что объясню: когда я играла в Бостонском театре «Федру», то гонорар за спектакли я не могла перевести в Россию и оставила деньги в банке, на имя Тома Батлера. Время от времени он высылал мне кредитную карточку с определенным количеством денег. Чтó я ему, зачем ему это — только головная боль; но тем не менее он делал это много лет, и тоже совершенно бескорыстно. Словом, эта переписка — не только описание наших поездок и гастролей (кто сейчас не ездит!), но — люди, с которыми я там встретилась, оставившие в моей жизни какой-то след.

Кстати, как многие ирландцы, Том Батлер в свое время был алкоголиком — у них там есть клуб бывших алкоголиков, и они время от времени хвастаются: я не пью уже 30 лет, а я 20!.. Потом, когда я знакоилась с другими ирландцами, выяснилось, что они знают про этот клуб и практически все там состояли или состоят. Однако всего этого нет в письмах, и поэтому мне, наверное, придется кое-что комментировать. Письма многое открывают, но возникает масса пробелов по части имен и событий. Поэтому я решила чередовать их с выписками из моих дневников или с какими-то маленькими главками, которые я называю «ремарками», — в них я объясняю ситуацию или рисую портрет человека, который недостаточно

выявлен в письме, но о котором мы с Томом говорили или по телефону, или при встрече.

И, может быть, в конце этой книжки время — с начала 90-х по 2005-й — высветится для читателя чуть-чуть по-новому. Только поэтому я и решила издать эти письма.

Второе предисловие

ПИСЬМО ТОМА

20 февраля 2004 г.

Дорогая Алла!

Как тебе уже сказал, я чуть-чуть не уверен, что эти письма заслуживают отдельного издания [«Письма к Тому»]. Они «покрывают» 15 лет [1990–2005].

Отсутствие свободной или надежной почты диктовало, чтобы все ваши письма были посланы из-за границы (вне СССР и вне России). Не было возможности взаимного сообщения. Как, например, я боялся отвечать непосредственно на некоторые ваши замечания об условиях в СССР или по отношению к переменам в новой России.

Ты пишешь о концертах поэзии по всей Европе и даже в Колумбии и США, и даже если мы понимаем, что вам надо «зарабатывать» что-то, я в то же время осознаю твою настоящую роль как хранительницы и распространительницы культуры русской литературной речи. Ты это бы не сказала, но я это пишу и повторяю. Я где-то заметил, что ты и твои «гастролеры» обмениваете «душевные (культурные) изделия» на продукты и что, может быть, это всегда была судьба актеров. «Жизнь на гастролях» — может быть, так назвать книжку, если ты все-таки решишь ее издать?

Есть и «сладкие» моменты в твоей «переписке» — воспоминание о нашем выступлении перед архитекторами... Я вспоминал нашу «репетицию» в кафе, и мое непонимание некоторых слов в театральном употреблении, и твоя нервность из-за этого: «Том, ты пропадешь... какой ты будешь переводчик» и т.д., и мой дерзкий ответ: «Я не пропаду, увидишь».

Конечно, в книжку можно включить и мои письма тебе, но, в общем-то, не знаю, что они содержат и как они относятся к твоим письмам.

Может быть, я был почти хороший, подходящий американский корреспондент для тебя: (1) неплохо понимал по-русски, даже если я не русский; (2) довольно умный, чтобы разобратся в твоём почерке; (3) знал и читал почти все русские дела, о которых ты писала, даже перевел «Ревизора» для постановки здесь; (4) я любитель Гоголя; (5) любитель русской поэзии 19-го и 20-го веков (но не на вашем уровне); (6) читатель Грибоедова («Горе от ума»); (7) Достоевского; (8) выступил в «Каменном госте», знаком с испанской, французской и до некоторой степени греческой (византийской) культурой и т.д. Есть достаточно «соотношений» между нами, чтобы поддержать нашу переписку. И, конечно, есть и моя роль как твоего американского банкира — сюжет некоторых моментов в нашей переписке.

Твой Том

1990 год

РЕМАРКА

Можно было бы начать эти записки о заграничных гастролях с 1968 года, когда я первый раз поехала в другую страну. «Щит и меч» снимали в ГДР и в Польше. Больше всего меня тогда поразил запах воздуха — другой! Потом я поняла, что это запах другого бензина, дезодорантов, которых у нас тогда не было, другого табака и т.д. Но решила ограничить эти записки перепиской с Томом Батлером, с которым познакомилась в 1990 году на концерте, посвященном 100-летию со дня рождения Анны Ахматовой. Как это произошло? Как всегда у меня, спонтанно.

Сейчас заграничные поездки стали обыденностью, но все равно как-то на даче одну мою книжку прочел наш комендант и после удивился, что я так долго жила за границей. Я для него оставалась русской дачницей в сарафане, которая занимается только своими грядками и домашними животными.

А мой друг Виталий Вульф, который в то время сделал обо мне передачу для телевидения, в заключение нее сказал, что Алла сейчас не работает в театре, лежит на диване и предается фантазиям. И это в самый мой напряженный период работы за границей. Просто я человек закрытый,

и когда меня не спрашивают, предпочитаю молчать, а то, что делается не на виду, как известно, не существует.

1990-й год. Неожиданно раздается звонок: «Это говорит Иосиф Бродский. Мы с вами не знакомы, но я хотел бы вас пригласить на вечер, посвященный 100-летию Ахматовой, который я устраиваю в Театре поэзии в Бостоне». Я спросила: «А кто еще там будет?» — «Анатолий Найман, я, вы. И с американской стороны — актеры и переводчики».

Хотя день рождения Ахматовой в июне, а юбилейным был 1989 год, Бродский устроил вечер 18 февраля 90-го. Я помню в Гарварде огромные сугробы, красные каменные дома, белок, которые никого не боялись. А по расчищенным от снега дорожкам из библиотеки — в столовую, из столовой — на лекцию бегали студенты в башмаках на босу ногу, в майках и шортах...

После концерта целую неделю можно было ничего не делать, гулять, ходить на званые ужины. Мы с Найманом подолгу гуляли, и я все время расспрашивала его про Ахматову, и по его рассказам у меня сложилось ощущение некой его «близорукости» — из-за слишком близкого расстояния (такое же ощущение, кстати, возникает, когда читаешь записки современников о Пушкине или о Достоевском).

Обедали мы в профессорском клубе. Однажды я пришла, а там в одном из залов выпивают. Я тоже выпила и закусила, ко мне кто-то подошел. Я говорю: «Я не понимаю по-английски. Вы говорите по-французски?» — «Нет». Так пообщались. Потом пришел Найман, и выяснилось, что я присоседилась к какому-то колледжу, который справлял свой юбилей... Вот такую мы вели жизнь.

Вечер Ахматовой. Может быть, потому, что я уже раньше выступала в этом Театре поэзии и знала, что туда приходят люди заинтересованные, я не волновалась. Взят

ла две книжки, привезенные в подарок Бродскому, и мы пошли.

...Сорок минут до начала концерта. Мы все сидим в пустом зале и ждем Бродского, который должен распределить, кто за кем выступает. А его нет. Наконец появляется. Устроитель подводит его ко мне, мы знакомимся, я ему протягиваю две книжки и говорю: «А вот это я вам привезла из Москвы». Он, как вчерашнюю газету, не глядя, кинул их куда-то за спину. Я подумала: «Ну, уж это слишком!» Он говорит: «Последовательность такая — сначала стихи читаются по-английски, потом по-русски. Все сидим на сцене, русские — я, Алла и Толя — слева, американцы — справа. В конце первого отделения — “Реквием”». Тут я встряла: «“Реквием” — сначала по-русски!» Он отвечает: «Нет-нет, как всегда, сначала по-английски». Я говорю: «Тогда я его не буду читать». Он снисходительно пожал плечами, но спорить было некогда... и сказал: «Хорошо!» И мы сразу ринулись на сцену. Переполненный настороженный зал. Много русских. Бродский читает Ахматову так же, как свои стихи, — поет, соединяет строчки. Чтение на слух монотонное, не подчеркивается ни мысль, ни метафора, ни подробность, не расставляются никакие логические акценты и не выделяется конец строфы, и только неожиданный обрыв на последнем слове, как спотыкание. Найман — по-другому, но тоже в основном поет. И мне вспоминается фраза Мандельштама: «Голосом работает поэт, голосом». Американцы читают по-разному. Одна актриса читает: «Звенела музыка в саду...» и последние строчки — «Благослови же небеса, / Ты в первый раз одна с любимым», — произносит с надрывом, почти со слезами. Дальше я по-русски читаю это же стихотворение как очень далекое воспоминание — еле слышный напев, прозрачно-акварельные краски... Зал зашевелился. Поняв, что зал хорошо реагирует на ранние ахматовские стихи в такой манере, следующая американка